

Таким образом, в чрезвычайно интересном оригинальном исследовании В.Н. Токмакова весьма подробно и на высоком научном уровне рассмотрена история уникального феномена, оказавшего колоссальное влияние на формирование римской *civitas*, – военной организации Рима в период с VI до IV вв. до н.э.

Большая заслуга автора состоит в том, что он в значительной мере опирается на источники, причем, самые разнообразные, которые им тщательно отобраны и проанализированы. При этом В.Н. Токмаков дает представление и о богатом историографическом материале.

Написанная увлекательно, хорошим русским языком, книга иллюстрирована, снабжена картами и схемами. Правда, изобразительный материал, к сожалению, недостаточно на мой взгляд включен в систему рассуждений автора.

Естественно, что такая сложная и содержательная работа включает в себе кое-какие неясности и спорные вопросы, которые могут и должны стать предметом научных дискуссий, а также дальнейшей работы ученого над данной проблематикой. Однако все это ни в коей мере не уменьшает достоинств книги, выход которой в свет, вне всяких сомнений, является знаменательным событием в истории отечественного антиковедения.

А.В. Щеголев

© 1999 г.

ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВСТРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ТЕЛЛЬ ЭЛЬ-ДАБА (ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ДЕЛЬТЫ НИЛА): НОВАЯ КНИГА МАНФРЕДА БИТАКА¹

В последние десятилетия нигде, кажется, не было сделано столько замечательных археологических открытий, сколько в Египте, но и на их фоне результаты раскопок в Телль эль-Даба (восточная часть Дельты) Австрийского археологического института в Каире и Института египтологии Венского университета представляются совершенно поразительными. Работами в Телль эль-Даба, которые ведутся уже почти три десятилетия (начиная с 1966 г. и поныне с перерывом в 1970–1974 гг.), руководит Манфред Битак, профессор египтологии Венского университета и директор Австрийского института. Многочисленные публикации самого Битака², которые оперативно (притом с щедростью, археологам не всегда свойственной) вводили в научный обиход новые данные, а также инициированные ими отклики и дискуссии³, давно поставили Телль эль-Даба в центр внимания не только египтологов, но и широкого круга специалистов, изучающих историю Восточного Средиземноморья первой половины II тыс. до н.э. в целом. Историческому осмыслению колоссального археологического материала, накопленного за десятилетия полевых изысканий, посвящена последняя книга Битака, которая составит предмет обзора в предлагаемой рецензии. Хочу сразу уточнить: цель последней заключается не только в оценке самой книги, и даже не оценке ее в первую очередь, сколько в *представлении* уникального материала, знакомство с которым в среде отечественных специалистов в лучшем случае совпадает с узким кругом египтологов.

Представляемая книга М. Битака, конечно же, *итоговая*, хотя вместе с тем, несомненно, *этапная*, учитывая масштабы *предстоящей* работы на грандиозном по размерам памятнике. Относительно скромный – для итоговой – объем книги объясняет ее подзаголовок: в основу ее легла лекция, прочитанная М. Битаком в Британском музее в 1992 г. Целесообразность оценки столь масштабной работы по лекции, притом *семилетней давности*, станет понятна, если сделать два пояснения. Во-первых, лекция Битака, как отражающая *наивысшее* достижение в

¹ *Bietak M. Avaris. The Capital of the Hyksos. Recent Excavations at Tell el-Dab'a (The First Raymond and Beverly Sackler Foundation Distinguished Lectures in Egyptology). Published by British Museum Press. L., 1996. P. 98. Pl. 34.*

² Избранную библиографию см. *Bietak. Op. cit. P. 90 f.*

³ Укажу лишь главные: Коллоквиум в Британском музее (июль, 1992), см. *Egypt, the Aegean, and the Levant. Interconnections in the Second Millennium BC / Ed. W.V. Davies, L. Schofield L., 1995*; Международный симпозиум в Метрополитен-музее (ноябрь, 1993), см. *Trade, Power and Cultural Exchange: Hyksos Egypt and the Eastern Mediterranean World 1800–1500 BC // AL. 1995. V*; Симпозиум в Институте искусств в Чикаго (февраль, 1993), см. *Egypt and the Minoan World: Recent Finds in the Delta. Chicago, 1993.*

египтологии, была избрана для открытия серии ежегодных и самых престижных в этой области лекций, учрежденных Фондом Саклеров. Во-вторых, книга Битака являет не только очень расширенный, но и переработанный (притом с учетом прошедших *впоследствии* дискуссий) ее вариант, который содержит ряд совершенно новых, и притом ключевых, интерпретаций археологического материала и в силу этого по-новому расставляет акценты.

Предысторию раскопок на Телль эль-Даба кажется разумным вкратце напомнить. Открытие памятника, как и многих других в ближневосточной археологии, связано с библейской тематикой. Речь идет о поисках легендарного Пер-Рамсеса, северной резиденции XIX династии и рамессидов, построенной в восточной части Дельты Рамсесом II, города фараоновского Египта, который упоминается Библией, того самого, где Моисею были явлены чудеса, города начала Исхода. К тому же города, возведенного, по свидетельству Манефона, на месте знаменитого Авариса, столицы гиксосов.

Долгое время общепринятой была идея об идентичности Пер-Рамсеса и греческого *Таниса*, города, располагавшегося в древности на Танитском русле Нила и бывшего египетской столицей в последующий период его истории (в правление XXI–XXII династий). Уже в начале XVIII в. Танис были локализован (благодаря топографическим и лингвистическим изысканиям К. Сикара) у египетской деревни *Телль Сан эль-Хагар*, позднее араб. *Сан* было связано с библейским *Зоан*. Раскопки О. Мариетта (в 60-х годах прошлого века), казалось бы, подтвердили связь Таниса/Сан эль-Хагара с Пер-Рамсесом. Подтверждалась как будто бы и идентичность того же Таниса и Авариса: ряд найденных в Танисе памятников был так или иначе связан либо с гиксосскими правителями, либо с их главным божеством, Сетом (например, знаменитые «узурпированные» сфинксы с именем Апопи, статуя Меренптаха, и, конечно, «Стела 400-го года»). Однако уже в середине XIX в. Р. Лепсиус настойчиво высказывал сомнения в отношении данной локализации Пер-Рамсеса. А. Гардинер был, кажется, первым, кто предположил, что резиденцию Рамсеса II нужно искать на другом, Пелусийском, русле реки, примерно 20-ю км восточнее. На археологическую перспективность самой местности, располагающейся вдоль древнейшего Пелусийского рукава на месте современных деревень *Телль эль-Даба* (на юге) и *Кантир* (на севере), впервые (еще в 1885 г.) указал Э. Нэвилл⁴. Дальнейшая ее судьба была связана с деятельностью египетских археологов. В 1928 г. на окраине *Кантира* начал раскопки М. Хамза⁵: находки (облицовочные плитки, скарабейные формы, «бирка» от сосуда и др. – все прямо или косвенно связанные с Рамсесом II или его современниками) убедили его в том, что обнаружено *истинное* местонахождение Пер-Рамсеса. Впоследствии его точку зрения поддержал Л. Хабаши⁶: его экспедицией были найдены блоки, обрамлявшие дверные проемы домов, принадлежавших, судя по высеченным надписям, высоким чиновникам рамессидской эпохи, а также стела со сценами адорации перед колоссальной статуей Рамсеса II. Тогда же Хабаши *впервые* выдвинул гипотезу, касающуюся Телль эль-Даба: проведенные на западной части этого поселения работы позволили ему идентифицировать его как *гиксосский Аварис*. Однако большинство египтологов продолжало оставаться сторонниками старой теории, которая в нашем веке нашла своего непоколебимого защитника в лице П. Монте. Раскопки австрийских археологов не только полностью подтвердили справедливость новой гипотезы, но и дали результаты, намного превосходящие самые смелые предположения ее первых сторонников.

Книга Битака состоит из семи глав. Глава I («Введение») представляет сжатый очерк геолого-географической и археологической картины местности. Решение первой задачи, которую поставили перед собой археологи, а именно реконструкция палеоландшафта (включая локализацию древних поселений), в условиях Дельты всегда сопряжено с большими трудностями: во-первых, ее плоскоравнинный рельеф предлагает очень мало топографических «привязок», во-вторых, следы стираются стремительно нарастающей культивацией земель. Тем не менее уже в ходе предварительных изысканий экспедиции удалось выявить старое Пелусийское русло, несколько ирригационных каналов, а также, пробуравив 850 (!) шурфов, «нащупать» несколько *газаир* (мн. ч. от араб. *гезира*, досл. «черепаший панцирь») – плоских песчаных холмов, ныне глубоко погребенных, но в древности превышавших уровень разливавшихся вод и потому служивших наилучшими местами для поселений (рис. 1). В результате стало ясно, что Кантир (предположительно составлявший сердцевину Пер-Рамсеса) в древности

⁴ Navill E. The Shrine of Saft el-Henneh and the Land of Goshen. L., 1887. P. 21 ff.

⁵ Hamza M. Excavations of the Department of Antiquities at Qantir (Faqus District) // ASAE. 1930. 30. P. 31 ff.

⁶ Habachi L. Khata'na-Qantir: Importance // ASAE. 1954. 52. P. 443 f., 558.

Рис. 1. Карта восточной части Дельты с реконструкцией палеоландшафта (Bietak. Op. cit. P. 2. Fig. 1)

располагался на *острове*, заключенном между двумя рукавами разделившегося Пелусийского русла, а Аварис (занимавший район Телль эль-Даба) покоился на *нескольких холмах*, примыкавших с юга к месту их разветвления. Стало совершенно очевидно, что оба соседствующих поселения, в *разные* исторические эпохи бывшие *столицами* Египта, занимали ключевое стратегическое положение. Здесь, сходясь, под их контроль неминуемо попадали оба пути, связывавшие Дельту с внешним миром: морской (из Средиземного моря через судоходное *тогда* Пелусийское русло) и сухопутный (на Синай – знаменитая «дорога Хора», w³t-Hr). Анализ керамики, фрагменты которой были обнаружены в выемках из шурфов, позволил тогда же определить длительность периода оккупации Телль эль-Даба: с начала XII династии вплоть до III Переходного периода, иначе говоря, *более тысячелетия*.

Топографические изыскания выявили площадь этого «двуединого» археологического комплекса: учитывая его колоссальные размеры (ок. 12 кв. км), Австрийская экспедиция приняла решение сконцентрировать свое внимание на одной, южной его части – Телль эль-Даба, т.е. на древнем Аварисе⁷.

Глава II («Спланированное поселение времени ранней XII династии») содержит реконструкцию начального этапа оккупации Телль эль-Даба. Самые ранние ее следы были выявлены у современной деревни Эзбет Рушди и датированы (по репертуару керамики) временем Аменемхета I. Здесь, в северной части одного из самых больших холмов, была изначально основана, как полагает Битак, *царская усадьба* (площадью не более 4 га), а у подножья холма, на берегу русла, возведен *храм*. На *соседнем* холме был обнаружен *поселок*, жители которого, считает автор, возводили эти постройки. Стела, поставленная в храме много позже Сенусертом III, сохранила *древнее* название поселения: «Селение-Аменемхета-правогласного-Устье-двух-дорог» (Hwt-Imn-m-h3t-m3-hrw-n3-R3-w3tj). Текст стелы дает Битаку основание предполагать, что поселению ранней XII династии могло *предшествовать* другое (археологически пока не выявленное), основанное еще при одном из гераклеопольских правителей ранней XI династии. Тем не менее очевидно, что вплоть до поздней XII династии поселение не играло сколько-нибудь важной роли.

«Поселок строителей» очень напоминает знаменитый «кахунский» времени Сенусерта II. Только два или три слоя его пока вскрыты, однако очевидна его четкая планировка: одинаковые по площади (ок. 25 кв. м) сырцовые строения вплотную примыкали друг к другу,

⁷ Для исследования северной части, Кантира, была приглашена экспедиция Пелициум-музея (г. Хильдесхайм, Германия). О результатах см. Pusch E.B. «Pi-Ramesse-geliebt-von-Anum, Hauptquartier einer Streitwagenruppen». Ägypten und Hethiter in der Delta-Residenz der Ramessiden / Ed. A.E. Eggebrecht. Antike Welt in Pelizaeus-Museum. Die Ägyptische Sammlung. Mainz, 1993. S. 126–143.

образуя прямоугольные «блоки», которые разделялись «улицами». Судя по подсчетам Битака, раскопанная часть поселка вмещала *более тысячи жителей*, притом не только мужчин, но и (судя по находкам особых сосудов для пряжи) женщин. Следов социальной дифференциации на поселении не обнаружено, однако Битак не сомневается, что строения более высокого качества со временем будут обнаружены. По всей вероятности насельники поселка появились здесь *во время* основания царского комплекса. По мере завершения его строительства, они, как считает автор, перемещались в последний, на соседний холм. Уже в правление Сенусерта I, преемника Аменхета I, «поселок строителей» был *заброшен*. Самая территория не использовалась здесь вплоть до времени поздней XII династии (см. ниже).

Две детали из тех, что сообщает автор в данной главе, заслуживают особого внимания. Первая. С одной, *северной* (т.е. подверженной большей опасности?), стороны «поселок» был обнесен защитной стеной. Вторая. Египетская керамика, обнаруженная в «поселке», включает *немногочисленные образцы чужеземной*: это грубо обожженные лепные горшки *сиро-палестинского* типа эпохи Средней бронзы (далее МВ) I. Они свидетельствуют о контактах египетского населения с *азиатскими кочевниками*: последние либо уже (т.е. в период, *предшествующий* началу Среднего царства) *переместились* в Восточную Дельту, либо *«наведывались»* туда с территории Восточной пустыни.

Главу III («Изначальное поселение ханаанейцев в Телль эль-Даба») автор посвящает анализу поселения, существовавшего в пределах того же, что и «поселок строителей», района, но уже в период поздней XII династии (слой d/2; ок. 1830–1785 гг. до н.э.) В начальной фазе также обнесенное стеной это поселение очень быстро прирастало с юга. Его жилища по структуре напоминают «Mittelsaalhaus» и «Breitraumhaus», т.е. архитектурные типы, которые не известны в Египте, но засвидетельствованы в *Северной Сирии* второй половины IV тыс. до н.э. На поселении располагались также *захоронения*, часто плотную примыкавшие к жилищам: обычно совершенно *чуждый* египетской культуре, но типичный для сиро-палестинской, притом *городской* культуры эпохи МВ. Самая *структура* погребений при этом – чисто египетская, как по преимуществу и материальная культура на *поселении*: к примеру, только 20% керамики – сиро-палестинской, остальная – египетская. Вместе с тем среди неразграбленных захоронений в половине мужских – *оружие* (несомненно парадное – бронзовые кинжалы, боевые топоры и наконечники копий, в том числе – серебряное) *сиро-палестинского* типа.

Очевидно, что жителями этого поселения были уже не египтяне, но ханаанейцы (др.-егип. *аму*)⁸, материальная и, отчасти, духовная культура которых вызывает следы значительной египтизации. Большинство их скорее всего состояло на военной службе у египетских царей. Однако Битак делает совершенно справедливое предположение, что в Телль эль-Даба подобное занятие (для чужеземцев традиционное уже со времен Старого царства) должно было составлять лишь одну из функций. Хорошо известный эпиграфический материал эпохи Среднего царства свидетельствует о том, что именно азиаты-*аму* часто бывали участниками, а иногда и *руководителями* (притом облеченными высокими царскими полномочиями) экспедиций в синайские каменоломни. Уместно напомнить, что подобные экспедиции за сырьем всегда имели полувоенный характер. С другой стороны, известно, также со времен Старого царства, что экипажи египетских морских судов могли состоять из азиатов. Весьма вероятно, что и фараоны XII–XIII династий использовали жителей прибрежного Леванта для аналогичных целей. Вполне возможно, что и сам быстрый рост поселения в Телль эль-Даба, находящегося на скрещении важнейших сухопутных и морских путей, был *результатом* активной деятельности государства, связанной с экспедициями на Синай и торговлей с Левантом.

В слоях, принадлежащих поздней XII династии, была сделана интереснейшая находка: погребение в форме квадратной суперструктуры с часовней, в которой уцелели фрагменты колоссальной по размерам (вдвое превышающими натуральные!) статуи из известняка, изображающей сидящего *вельможу-азиата* (=аму). У него характерная «грибовидная» прическа (волосы при этом переданы *красным* цветом) и палка на плече. Сам тип статуи, как и иконография, – совершенно *не египетские*, но имеющие близкие аналогии того же времени (ок. XVIII в. до н.э.) в *Эбле*.

⁸ Самый ранний случай (как раз XVIII в. до н.э.) использования слова «ханаанец» содержит письмо из архива Мари (Dossin A. // Syria. 1973. 50. P. 277–288), однако в *египетском* контексте (на стеле из Мит-Рахинэ) оно впервые фиксируется (в форме kjn'nw) только в правление Аменхета II, т.е. ок. середины XV в. См. обзор: Nibbi A. Canaan and Canaanite in Ancient Egypt. L., 1989. P. 17 ff.

Глава IV («Дворец ранней XIII династии и его служащие-азиаты») анализирует археологическую картину следующего периода, начала XIII династии (слой d/1; ок. 1785–1755 гг. до н.э.). Главный объект, вскрытый в центральной части того же района, *административный дворец*. Построенный в несколько приемов и подвергавшийся перестройкам, он дает уникальную возможность наблюдать развитие дворцового ордера из традиционного *египетского* жилища. Столь же уникальны данные относительно планировки садов, также *египетских* по устройству, снабженных системой искусственного полива. Но самое интересное состоит в том, что сад был впоследствии использован *«не по-египетски»*, в качестве *некрополя* для захоронений дворцовых служащих.

Рис. 2. Оттиск цилиндрической печати из гематита с изображением северосирийского божества «погоды» (сев. часть дворца ранней XIII династии, слой d/1. Bietak. Op. cit. P. 28. Fig. 28)

Погребения последних также выдают *смешение* египетских и чужеземных черт. К примеру, конструкция их – чисто египетская, обнаруживающая связь с архаической нижеегипетской культовой практикой, однако ассоциация с ними захоронений животных (особенно пары ослов) – традиция, восходящая к совсем иной, *месопотамской* (!), практике III тыс. Эта практика, распространившаяся впоследствии в Сирии и Палестине, хорошо известна: она связана с культурой, в которой важную роль играет *караванная торговля*. Ближайшую (во всех отношениях) аналогию дает захоронение на поселении Телль эль-Аджжиль (т.е. в Шарухене, как считает, вслед за А. Кемпински⁹, автор). Во владельцах этих «садовых» захоронений Битак видит азиатов, которые были *начальниками караванов*.

Погребальный инвентарь (там, где он уцелел) – очень богатый, притом также *смешанный*. В одном из захоронений (F/1-m/18-по.3) кроме роскошного оружия (несомненно *парадного*, сиро-палестинского типа) и богатейших украшений, найдено золотое кольцо с аметистовым скарабеем. На его базе читается имя «Себек-ем-хет», титул поврежден, но, возможно, это «начальник чужеземных стран». Очевидно, что владелец должен был быть азиатом, связанным с торговлей, который не только носил египетское имя, возможно, имел египетский титул, но и усвоил египетские представления, связанные с заупокойным культом: скарабеи составляли их важнейший элемент. Скарабеи, тем более «надписанные», в датируемом археологическом контексте, тем более *неегипетском*, находятся исключительно редко. Возможно, этому экземпляру (как и нескольким другим) может принадлежать важное место в решении проблемы «вторичного» использования скарабеев, которая не так давно явственно обозначилась¹⁰.

Битак обращает внимание на еще одну находку – гематитовую цилиндрическую печать (рис. 2). Она несет на себе самое раннее изображение северосирийского божества «погоды», который представлен здесь как покровитель моряков и владыка моря (в виде змеи). Со ссылкой на Э. Порада (которая имела возможность ознакомиться с печатью), он представляет ее как *сирийскую* по стилистике, но скорее всего *египетскую* по выполнению. Значение находки трудно переоценить: возможно, она способна объяснить, почему Сет, старинное верхнеегипетское божество пустынь, утверждается впоследствии в приморской Дельте, где продолжает быть объектом поклонения в течение четырех столетий, до конца правления рамессидов. Как предполагает автор, Сет, тоже бывший богом «погоды», был ассоциирован с Баал-Цефоном,

⁹ Kempinski A. Tell el-Ajjul – Beth Aglayim or Sharuhin? // IEJ. 1974. 24. 145–152.

¹⁰ О проблеме см. Ben-Tor, D. The Historical Implications of Middle Kingdom Scarabs Found in Palestine Bearing Private Names and Titles of Officials // BASOR. 1994. 294. P. 7–21; eadem. The Relations between Egypt and Palestine in the Middle Kingdom as Reflected by Contemporary Canaanite Scarabs // IEJ. 1997. 47. P. 162 ff.

аналогичным по функциям сирийским божеством, принесенным уже в XVIII в. до н.э. ханаанскими переселенцами.

Дворцовый материал обнаруживает не только тесные сиро-палестинские связи его обитателей, но также и *минойские*. Найдены (в захоронении) ювелирное украшение (золотая подвеска с изображением двух собак (?)) минойского типа и кинжал со «спиральным» мотивом, а также (в саду) фрагменты превосходных *камарес*. Отметим, кстати, что последние, насколько известно, впервые зафиксированы в ходе *стратифицированных* раскопок, которые, таким образом, должны *надежно* связывать раннюю XIII династию с минойским периодом MM II B / III A (и, стало быть, с сиро-палестинским MB II A-B).

В течение ранней XIII династии поселение расширилось вплоть до нынешней деревни Телль эль-Даба. Однако во дворце жизнь была внезапно приостановлена. Битак предполагает, что кто-то из его обитателей впал в немилость, участвуя в политических интригах: напомним, это был период кратковременных правлений узурпаторов. Одним из таковых был царь Хетеп-иб-Ра Аму-са-хор-неджи-хер-итеф (*азиат*, судя по имени), который прежде состоял в ранге высокого чиновника при последней царице XIII династии. Битак полагает, что именно он мог быть одним из «функционеров» азиатского поселения в Телль эль-Даба. Известно о его тесных связях с Северной Сирией (подтверждаемых, к примеру, его дипломатическим (?) даром правителю Эблы).

Как следует из главы V («Расширение ханаанского поселения в Телль эль-Даба в течение XIII династии»), несмотря на прерыв политической жизни дворца, самое поселение продолжало увеличиваться в размерах. К концу этого периода оно, однако, пережило новый кризис. Битак выдвигает гипотезу, что таковой мог быть следствием эпидемии бубонной чумы. Напомним, что в египетских источниках ранней XVIII династии эта болезнь именуется «ханаанской» — не потому ли, что ее очагом могло считаться как раз поселение Телль эль-Даба?

Автор приводит в этой главе исключительно важные антропологические данные. Они, к примеру, свидетельствуют, что мужское население Телль эль-Даба позднего Среднего царства и II Переходного периода составляли несомненно *не египтяне*, но *левантийцы*, причем ближайшую аналогию их физическому типу дает материал из погребений в Камид эль-Лоц (долина Бека). Напротив, женщины были скорее *местного* происхождения. Это обычная картина для населения, состоящего из мужчин-иммигрантов (торговцев, моряков и т.п.), берущих в жены местных женщин. В течение XIII династии, судя по соотношению типов керамики, имела место новая волна переселения ханаанцев (или, возможно, взрывное увеличение импорта). Кроме торговли, важнейшим занятием жителей стало *производство медных орудий*, что сопровождалось появлением новых технологий. Кажется, в это же время становится известной в Дельте лошадь (sic!), а также «шерстяная» овца.

Анализ керамики выявляет другое исключительно важное обстоятельство: если в течение XII династии основной поток импортной керамической «тары» (вместе с содержимым — маслом и вином и, как будто бы, пшеницей (sic!)) должен связываться с Левантом в целом, то в XIII — «*ошеломляющее*» ее количество поступает из *Южной* Палестины. Отметим, что эта тенденция подтверждается также находками, сделанными в Лиште, среднецарской столице Египта¹¹. Битак ограничивается в этой главе объяснением, что Библ (и другие города северной части левантийского побережья) переживал упадок, связи с ним были замещены в основном южнопалестинскими, а позже (вторая половина XVIII в. до н.э.) — также и кипрскими. В Телль эль-Даба, кстати, обнаружены, кажется, следы *проживания* (начиная со слоя G) кипriotской общины (они выдаются некоторыми технологическими приемами в изготовлении керамики). Однако как «смещение» источника импорта в эпоху XIII династии, так и сами его масштабы рождают проблемы. Во-первых, в составе импорта присутствуют типы (к примеру, коричневые лощеные кувшины с так называемой «анатолийской» формой слива, кувшины с поддонами) совершенно явно северные по происхождению, которые до этого в *Южной* Палестине не были отмечены. Во-вторых, на территории самой *Южной* Палестины как будто бы ранее не были известны развитые ремесленные (керамические в том числе) центры. К феномену, который оказывается более сложным по сути и более перспективным по толкованию, автор возвращается еще раз, в главе VIII.

Глава VI («Сакральная прихрамовая зона и некрополь в восточной части города») содержит материал из района A/II, где примерно на рубеже XVII в. до н.э. (после слоя G) жилая застройка

¹¹ Arnold D., Arnold F., Allen S. Canaanite Imports at Lisht, the Middle Kingdom Capital of Egypt // *ÄL*. 1995. 5.

начинает сменяться захоронениями, которые, распространяясь, окружают возводимые здесь культовые сооружения. Результаты раскопок позволяют воссоздать очень любопытную картину. Главный храм (III-й по принятой нумерации; слой F-E/3) имел типичную ближневосточную структуру, притом являлся вообще самым большим известным святилищем эпохи MB (длина – ок. 30 м). Он был окрашен в голубой цвет, что дает Битаку основание считать его посвященным космическому божеству (погоды?). С западной стороны от него был построен другой храм (II, слой E/3, первая половина XVI в. до н.э.), также ближневосточный по типу (Breithaustempel).

Алтарь напротив главного храма, возможно, был окружен деревьями, а также ямами с жертвоприношениями. В последних сохранились фрагменты керамики и кости мелкого рога-то скота, а также (в ямах у храма) два парных захоронения ослов, не связанных с человеческими погребениями. Автор предполагает, что в данном случае последние имеют отношение к процедуре заключения договора: в документах из архива в Мари выражение «заклать осл» служит синонимом заключения сделки.

На некрополе в большинстве мужских погребений по-прежнему находится типичное *сиро-палестинское* оружие (периода MB II A–II B). Теперь уже не только сама конструкция захоронений, а также погребальный обряд (как для взрослых, так и для детей) следуют (в отличие от прежнего периода H-G) переднеазиатскому (*месопотамскому*) образцу. Вместе с тем на некрополе возводятся (слой E/3) два небольших храма (V и I, впоследствии реконструированных), которые по структуре (копирующей ранний храм XII династии в Эзбет Рушди) и предназначению совершенно *египетские, заупокойные*. Это еще раз подтверждает, что насельники Телль эль-Даба, выходцы из Ханаана, за несколько десятилетий до вторжения гиксосов продолжают следовать некоторым египетским религиозным традициям, даже в части, касающейся заупокойной практики, обычно самой консервативной.

Вблизи главного храма были найдены два каменных дверных косяка, сохранившие имя Аасех-Ра Нехеси: это был один из правителей ранней XIV династии, который несмотря на кратковременность своего пребывания у власти, оставил довольно много памятников. Его отец, кажется, *египетский* вельможа, был основателем маленького царства в Северо-Восточной Дельте. Также известно, что во времена царя Нехеси (ок. 1710 г. до н.э.) поселение в Телль эль-Даба уже носило название Hwt-w'rt (=Аварис. Wb. I. 287)¹² и, возможно, было столицей провинциального царства, правители которого были тесно связаны с азиатскими поселениями. Оно было уже не единственным в Дельте: по крайней мере Телль эль-Фараша и Телль эль-Маскута также были населены ханаанейцами.

Как отмечает автор, большая часть погребений этого периода принадлежит, судя по инвентарю (тип MB II A–MB II A/B), воинам. Несомненный интерес вызывает также захоронение чиновника, который, судя по найденному при нем скарабею, носил имя «Аму» и титул «заместитель начальника казны» (при царе Нехеси?). Еще более интересным кажется имя его соверена Нехеси, как и вообще все, что может (хотя бы гипотетически) предполагать связь правителей Дельты с Кушем (кульминацией которых впоследствии станет письмо гиксосского царя Апопи правителю Куша, перехваченное фараоном Камосе)¹³. Намек на такую можно усмотреть в практике погребения молодых служанок (?) в мужских погребениях, несколько примеров которой зафиксировано на Телль эль-Даба: эти находки имеют параллели того же времени в Куше, впрочем, как и в некоторых других регионах в MB период.

Совершенно иная картина складывается по материалам следующего периода (слой F-E/2, т.е. ок. 1710–1620 гг. до н.э.), который представлен в главе VII («Развитие городского поселения Авариса незадолго до гиксосского периода и в течение последнего»). Эгалитарное прежде поселение обнаруживает значительную дифференциацию: дома различаются по размерам и расположению относительно центра. Жилая застройка перекрывает некрополь вокруг храмов, заупокойные храмы исчезают. Захоронения размещаются теперь в пределах либо самих домов (в полу или в специальных помещениях), либо дворов (к примеру, в камере, пристроенной снаружи к стене спального помещения). Оба обычая принесены с территории Леванта, где они составляют древнюю традицию. Битак объясняет перемены тем, что в результате гиксосского

¹² Van Seters J. The Hyksos: a New Investigation. New Haven, 1966. P. 149 ff.

¹³ См. Habachi L. The Second Stela of Kamose and his Struggle against the Hyksos Ruler and his Capital // Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Glückstadt, 1972. Bd 8. К сожалению, мне осталась недоступна статья М. Битака (Bietak M. Zum Königreich des 'z-ḥ-R' Nehesi // SAK. 1984. S. 59–75), где автор, возможно, разбирает эти вопросы. См. также о нетрадиционной локализации nḥsi: Nibbi A. Egypt and Some of Eastern Neighbours. New Jersey. 1981. P. 151–182.

переселения, в условиях нехватки на поселении жизненного пространства, старый обычай «домашних» погребений (некогда существовавший и в ханаанейском поселении Телль эль-Даба) вновь возвращается. Египетская же практика семейных некрополей и заупокойных храмов вследствие недостатка места исчезает.

Раскопки на Телль эль-Даба дали огромное количество керамического материала, собранного в разных слоях памятника примерно за три столетия его существования. Этот корпус еще предстоит тщательно проанализировать, но некоторые выводы уже приведены Битаком в следующей, VIII главе работы («Керамика, торговля и исторические выводы»). К примеру, поражающие воображение данные о количестве импортной тары – не менее 2 млн. амфор!

Наиболее интересными кажутся выводы, которые способны так или иначе подвести к проблеме происхождения азиатского населения Телль эль-Даба. Важнейшее свидетельство принадлежит с этой точки зрения керамике так называемого типа «телль-эль-яхудийя», древнейшие следы изготовления которой зафиксированы в *Северной* Палестине и районе *Библи*. В ранней XIII династии (слой d/1) кувшины этого типа (овоидной и шаровидной формы) появляются в Телль эль-Даба и распространяются далее на юг, вплоть до Куша, таким образом связывая Египет этого периода с *Северной* Палестиной и *Северным* Левантом. В гиксосский период появляются новые формы (например, *rigiform 2a*), ареал распространения которых теперь включает Египет, *Южную* и, отчасти, *Прибрежную* Палестину. На взгляд автора это отражает область политического влияния гиксосов, центром которого был Шарухен. Но важно здесь то, что импорт, идущий почти исключительно из *Южной* Палестины, включал также типы (к примеру, бурые лощенные кувшины с носиками-сливами), которые, как специально подчеркивает автор, до этого времени в самой *Южной* Палестине *не были известны*. Отметим, что торговля с *Сирией* в это время не зафиксирована. Автор дает этому странному обстоятельству единственно возможное объяснение: население *Северного* Леванта должно было переместиться в *Южную* его часть (к примеру, на Телль эль-Аджжиль), продолжая традиционное производство. Вопрос: *почему?*

Это передвижение, на взгляд Битака, можно представить как *колонизацию*, частью которой тогда становится и заселение азиатами Телль эль-Даба. Однако он выдвигает еще одну, чрезвычайно интересную гипотезу, которую вкратце можно суммировать следующим образом. «Ответственными» за возникновение поселений в крайней северо-восточной части Египта, как и в южной части прибрежной Палестины могли быть *египетские фараоны* XII и XIII династий. Возможная цель – создание между Египтом и Библом линии морских портов и торговых «факторий», которые соответственно должны были «наполняться» азиатским населением. Именно это, с одной стороны, могло бы объяснить резкое возрастание к концу XIII династии процент ажнопалестинского импорта, а с другой – его нетипичность для данного района. Вместе с тем автор оставляет возможность двойной интерпретации феномена: государство было либо не в силах контролировать стихийное вторжение чужеземцев с востока, либо оно содействовало ему сознательно, удовлетворяя свою потребность в воинах, ремесленниках, моряхах и т.п.

Самым массовым видом южнопалестинского импорта являлись амфоры. Одна из них несет на себе клеймо «князь (*хати-а*) Шиму»: последний, считает Битак, был вассальным князьком, принявшим, подобно библским, египетскую титулатуру. Может быть такой же правитель существовал и на поселении Телль эль-Аджжиль, возможном форпосте морской и сухопутной торговли позднего среднеахетского периода. Вполне вероятно, там утвердился одна из ветвей гиксосской династии, для которой, как считает автор, Телль эль-Аджжиль (=Шарухен) *вместе с* Телль эль-Даба составляла основу их владычества.

Кроме *Южного* Ханаана, важнейшим партнером Гиксосского царства оказывается Кипр. Слой D/3-2 (ок. 1600–1530 гг. до н.э.) обнаруживает резкое увеличение объема соответствующей импортной тары (содержимое которой еще предстоит выяснить). С другой стороны, на территории Кипра найдено много керамики типа «тель-эль-яхудийя» (биконический тип), притом уже *египетского* производства. Вместе с тем одна ее ранняя форма (шаровидная, ручной лепки), которая зафиксирована в Египте, явно развилась под «обратным» влиянием киприотской керамической традиции (см. выше о возможности проживания киприотской общины в ханаанейском поселении Телль эль-Даба).

Две следующие главы посвящены истории «дворцовой» жизни Телль эль-Даба в гиксосский и новоцарский периоды. Несмотря на краткость, обе являются центральными в книге: они включают важнейший материал, в том числе, и тот, *изначальная* авторская интерпретация

которого (оставшаяся за пределами данной работы), вызвав в свое время наибольшую сенсацию, подвергалась и наибольшей критике оппонентов. Рецензируемая работа представляет уже пересмотренную версию.

Глава IX («Гиксосская цитадель») освещает результаты раскопок у дер. Эзбет Хелми. Здесь, в стратегически важной точке (к югу от места «раздвоения» Пелусийского русла), было выявлено поселение, которое в гиксосское время (*начальное* для его заселения, слой D/3-2) было обнесено мощной оборонительной стеной из сырцового кирпича (сначала 6,2 м, потом – 8,5 м толщиной) с контрфорсами. Внутри укрепленной территории вскрыты два слоя искусственно разбитых *садов*, из которых *ранний* несомненно также относится к гиксосскому времени. Как полагает Битак, это были те самые сады, о которых упоминается в знаменитой Стеле Камосе, египетского вассала гиксосских царей, который сделал попытку захвата Авариса. К тому же самому, т.е. *гиксосскому*, времени Битак *сначала* отнес и следы обнаруженного огромного *дворца-цитадели*, возведенного на мощной платформе. Это, казалось, подтверждалось как археологическим контекстом, так и эпиграфикой: надписи на некоторых найденных архитектурных фрагментах сохранили имена гиксосских правителей.

Нужно особо подчеркнуть, что датировка данного объекта – *ключевая*, поскольку именно со стенами *этого* сооружения (*гиксосского*, в изначальной интерпретации автора) связана самая замечательная находка экспедиции: «*минойские*» *настенные росписи* (см. ниже). Постулируемая ранее Битаком связь последних с гиксосами породила проблемы, которые многим казались неразрешимыми. Однако дальнейшие раскопки (сезона 1994–1995 гг.) внесли коррекцию: стало очевидно, что сохранившиеся структуры принадлежат не гиксосской, но *египетской* цитадели *ранней XVIII династии*. Она была построена на месте своей гиксосской предшественницы, притом с использованием принадлежавших той каменных блоков и стел.

Несколько найденных надписей гиксосского времени имеют исключительную важность. Так, сохранилась (вырезанная на дверном косяке) полная (пятичленная) царская титулатура Секер-хера (ранее известного как Сикру-Хадду): она дает первый известный пример включения слова «гиксос» в ее написание на монументе. Биетак выдвигает очень интересную гипотезу о том, что именно *этот* правитель (а не *Шалек* саккарского списка царских предков) был манефовым *Салитисом*, одним из шести главных царей XV гиксосской династии. Была найдена также стела старшего сына Хиана, царевича Янасси, в ком, возможно, следует видеть манефопова *Ианнаса*.

Наконец, глава X («Цитадель ранней XVIII династии») содержит реконструкцию состояния бывшей гиксосской столицы *после ее падения* (на 15-м или 18-м году правления Яхмоса, первого царя XVIII династии, т.е. ок. 1530 г. до н.э. соответственно принятой автором системе датировок, см. ниже). По свидетельству автора, самый поздний слой азиатского заселения в Телль эль-Даба практически *не обнаруживает* следов пожара. Город, скорее, был просто *оставлен*. Таким образом, сведения Иосифа Флавия о том, что оборона была длительной (три года) и что защитники Авариса выговорили себе право спокойно уйти в Южную Палестину, выглядят в свете новых археологических данных вполне правдивыми.

Совсем неожиданным оказался другой факт. Раскопки экспедиции Битака показали, что на месте оставленной *гиксосской* цитадели в начале XVIII династии была возведена вновь другая, *египетская!* (рис. 3). Этот дворец-крепость был построен на огромной (ок. 70,5 × 47 кв. м) платформе (Н/1) из сырцового кирпича. На нее вел широкий *ландус*, упирающийся нижним концом в оборонительную *стену*, прорезанную «*ваходом*». Отмечу, что соотносительная стратиграфия именно *этих* архитектурных элементов и явилась решающим аргументом (в 1994–1995 гг.) для датировки всего сооружения новодарским временем. Несмотря на некоторые ближневосточные аналогии, Битак полагает, что конструкция в целом типологически близка египетским фортификационным сооружениям на границе с Нубией.

Неподалеку от платформы были обнаружены два огромных строения (начала и середины XVIII династии), видимо, дворцовые склады, где хранилось большое количество импортной керамики: сиро-палестинской, кипriotской, а также, возможно, минойской (LM IA) и даже кикладской. Очевидно, что конец гиксосского царства не означал для Телль эль-Даба прекращения связей с Восточным Средиземноморьем. К востоку от платформы было обнаружено поселение (включавшее, как полагает автор, мастерские), где жили дворцовые служащие невысокого ранга. На нем была найдена серия скарабеев с царскими именами от Яхмоса до Аменхотепа II. Здесь же, а также в других местах, была сделана одна из самых важных находок: многочисленные кусочки *пемзы*, которые, как считает Битак, были прибиты морем к берегам вблизи Авариса. Анализ показал, что пемза *происходит из извержения*

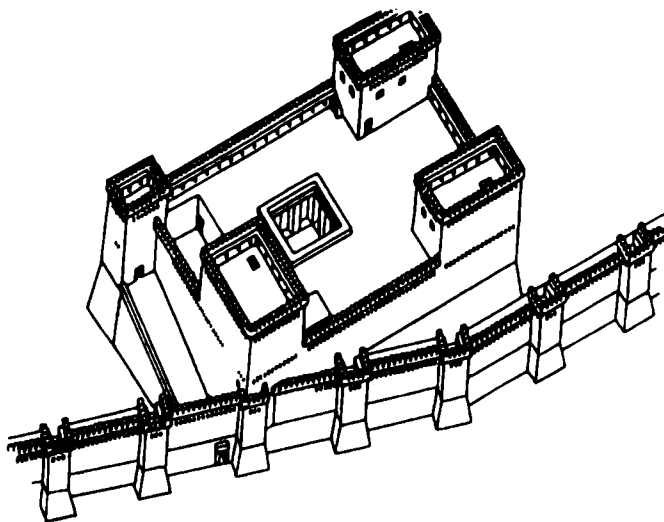

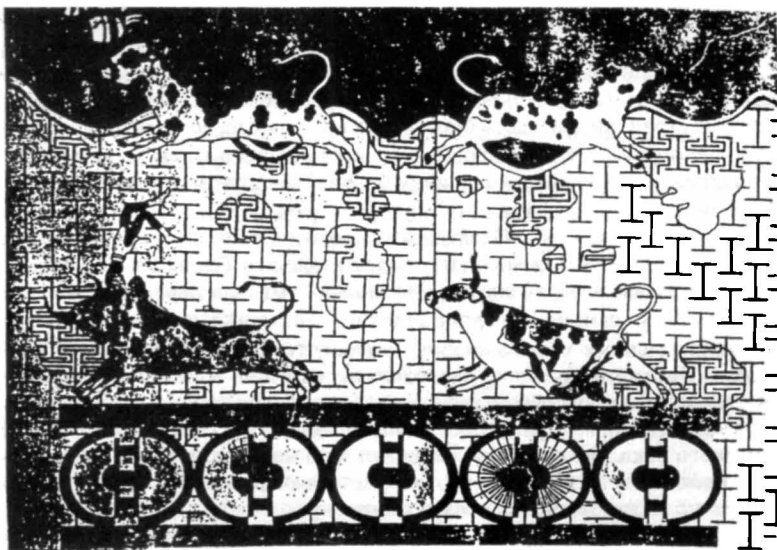
Рис. 3. Реконструкция дворца-цитадели ранней XVIII династии в районе деревни Эзбет Хелми (Bietak. Op. cit. P. 71. Fig. 58)

вулкана на Фере (Санторине). Ее археологический контекст на Телль эль-Даба – слой Нового царства, хронологически принадлежащий периоду *после* правления Яхмоса и *до* Тутмоса III.

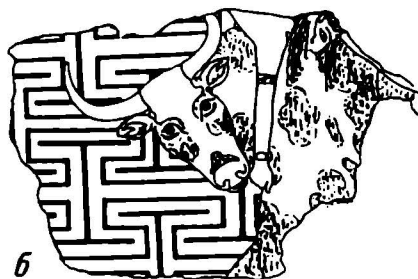
К сожалению, от суперструктуры этой цитадели, которая датируется началом XVIII династии (правлением первого ее царя, Яхмоса), также мало что осталось: в основном она была разобрана, как и многие другие, на строительный материал в древности. Однако сохранилось, возможно, самое ценное: большая часть завалов у северной стороны платформы, а также у пандуса, состоит из тысяч кусочков штукатурки, отвалившейся от *наружных* стен строения. Они сохранили следы росписи, мотив и стиль которых были сразу опознаны как *минойские*.

Работа по реконструкции росписей будет еще долго продолжаться, однако некоторые фрагменты восстановлены и уже стали благодаря Битаку широко известными. Главный *сюжет* росписей – борьба и игры с быками, в которых участвуют несколько (два или три) «акробатов». Лучший образец – реконструированное двухрегистровое панно с поразительным изображением быка с головой *en face*, «акробата» (в профиль), делающего «стойку» на шее животного, и второго участника, сорвавшегося под ноги другого быка; фигуры двух других быков, бегущих на фоне гор, возможно, изображают сцены отлова (?) животных (рис. 4 а, б). Кроме того, уцелели фрагменты росписей с гимнастическими упражнениями «акробатов» на фоне священных (?) деревьев; с пейзажами, в основном речными, запечатлевшими травы, деревья (пальмы?), папирус (?), а также горными, со сценами охоты, в которых «летающие» в галопе собаки, львы, леопарды преследуют коз и оленей. Есть также изображение крылатого грифона. Кроме фигурок «акробатов» сохранилось также большое (почти в натуральную величину) изображение мужской головы с бородой, как допускает Битак, – «жреца». Среди элементов *декора* особенно характерны «лабиринт» (использованный в том числе и как *фон* для сюжетных росписей; рис. 4, б), фризы с «полурозетками», «петлями», листьями плюща. Роспись выполнена в технике, сочетающей приемы фрески и secco, по поверхности, на которую была предварительно нанесена в несколько слоев известковая штукатурка (очень высокого качества), обработанная каменным лошлом.

На взгляд автора, тематически, композиционно, стилистически, колористически, иконографически, а также по технике исполнения росписи несомненно восходят к минойским образцам. Более того, они воспроизводят (хотя бы частично и непрямо) росписи Кносского дворца, в том числе, возможно, те, которые не сохранились, а также имеют близкие аналогии с росписями на Фере (в Акротири). Для Битака совершенно очевидно, что росписи выполнены *минойскими мастерами*, работу которых он оценивает как *исключительно высокую* в целом (хотя отмечает различие в уровнях исполнения). Отдельные детали (иконографии и стиля) заставляют его датировать росписи Телль эль-Даба LM IA периодом, что, следовательно, делает их недостающим звеном в развитии самого минойского искусства.

а

б

Рис. 4. Минойское «двухрегистровое» фресковое панно из дворца-цитадели ранней XVIII династии (а – Bietak. *op. cit.* Pl. IV; б – Shaw M. // *ÄL*. 1995. V. Pl. I)

Автор полагает, что ключ к пониманию причины, по которой минойская тематика была использована для росписей в египетском дворце, дает сам смысл игр с быками, которые служили их центральными темами. В минойском мире единственным местом, где тавромахия и таврокатапсия изображались и, судя по всему, изначально традиционно практиковались, был Кносский дворец¹⁴. Самая практика являлась ритуалом, связанным с правящей элитой Кносса, с царской властью, а право изображать его составляло исключительную привилегию дворцового (царского) искусства. Самые фрески должны рассматриваться в контексте царского искусства (в том числе архитектуры) и царской идеологии (в том числе ее символики), которые в минойском контексте должны были иметь те же коннотации, что и в египетском. (Декоративные элементы, которые в кносских росписях тоже имеют характер царской символики, за их пределами встречаются, кажется, только во дворце Телль эль-Даба). Непосредственным поводом к переносу фресок на египетскую почву, по остроумной гипотезе Битака, могли послужить брачные узы египетских правителей с кем-либо из минойских принцесс. Намек на это он усматривает (кроме находок многих артефактов) в необычном (для египтянки) титуле, который носила мать Яхмоса, царица Яххетеп – «владычица берегов *H'w-nbw.t*». Впрочем, как известно, самое толкование входящего в титул топонима также представляет старую египтологическую проблему. Тем не менее, сам тезис о возможности существования династических отношений между возрождающейся (после гиксосского владычества) египетской державой и тогдашней ведущей «морской силой», минойской талассократией, выглядит правдоподобным.

¹⁴ Ср., однако: Colon D. Bull-leaping in Syria // *ÄL*. 1994. 4. P. 81–85.

Последний вопрос, который поднимает автор, связан с *функцией* египетской цитадели времени раннего Нового царства. На его взгляд, она по-прежнему служила базой для военной активности (направленной на Южную Палестину) и гаванью для морских экспедиций в Восточном Средиземноморье. Свидетельством первого на поселении являются следы пребывания войск: наконец-таки стрел (кремневых и бронзовых, в том числе, возможно, *позднеэлладских* по типу), метательные орудия, а также керамика «повседневного типа» (в том числе из Кермы, очевидно, принадлежащая *нубийским* войнам). Свидетельством второго служат многочисленные образцы импортной керамики.

И, наконец, последний сюрприз. Задаваясь вопросом о том, почему древнеегипетские источники ничего не сообщают о важнейшем городе-цитадели в Телль эль-Даба времени раннего Нового царства, Битак выдвигает гипотезу: возможно, тот был *переименован* и известен под *другим* названием. Тем самым автор привлекает внимание к идее, высказанной ранее Л. Хабаши (и французскими египтологами) о том, что знаменитая гавань XVIII династии Пер-нефер (досл. «Прекрасный выход») находилась совсем не в Мемфисе, но на Пелусийском русле, в Телль эль-Даба!

Такова эта замечательная работа, посвященная одному из самых ярких археологических открытий уходящего века. В настоящей рецензии я по необходимости остановилась лишь на самых главных идеях и гипотезах автора, без учета которых современная египтология уже немыслима. Позволю себе в заключение их суммировать.

В работе на основе археологического и отчасти эпиграфического материала блестяще прослежена динамика развития одного из интереснейших египетских центров, у которого было, кажется, *три* разных имени и который *дважды* в истории Египта становился его столицей. Основанное при Аменемхете I (а может, и ранее), возможно, как царское хозяйство площадью не более 4 га, поселение к началу XIII династии разрослось до 75 га, и в течение гиксосского времени утратило свою площадь, достигнув примерно 250 га. Из обычного поселения при царской усадьбе оно постепенно превратилось в провинциальный центр, который впоследствии стал периферийной столицей царей-узурпаторов, ориентированных на «восточные» связи, затем – столицей чужеземцев-завоевателей, в конце концов стало одним из самых больших городов II Переходного периода. Фактически он должен был по крайней мере в три раза превышать по размерам современный ему Хацор, самый большой город Ханаана! Его история теперь продлена далее, в эпоху Нового царства, когда он продолжал существовать, возможно, под «чужим» именем, как гавань соседнего Пер-Рамсеса, и далее, вплоть до III Переходного периода. Совершенно по-новому представляется теперь сам *характер* города: начиная с эпохи Среднего царства он функционировал прежде всего как мощный порт, связывавший Египет со всем Восточным Средиземноморьем. О размахе осуществлявшейся через него морской торговли свидетельствует ошеломляющее количество фрагментов привозной керамики самого разного типа (к примеру, не менее 2 млн амфор!) и импорта вообще. Он представлял собой также форпост караванной торговли и экспедиционной деятельности, связанной с добычей сырья, а также пунктом «транзитной» торговли – вплоть до Нубии.

Результаты раскопок в Телль эль-Даба открывают также новую страницу в изучении *азиатских соседей* и, так сказать, *азиатской* активности Египта в эпоху позднего Среднего Царства и II Переходного периода. На сегодняшний день памятник оказывается единственным известным городским поселением MB века в Египте; одним из двух раскопанных поселений (второе – Телль эль-Фараша) с материалом времени MB IIA и единственным *стратифицированным* египетским поселением с *длительной азиатской оккупацией*, которая охватывает период от поздней XII династии вплоть до конца II Переходного периода. Как уже неоднократно отмечалось, памятник уже сейчас является источником большего числа сиро-палестинских находок в контексте II Переходного периода, чем все остальные египетские памятники взятые вместе.

Анализ стратиграфии поселения и типологии находок позволяет реконструировать поразительную картину, отражающую «подвижность» этнического состава населения Телль эль-Даба между двумя Переходными периодами: сначала целиком *египетского*, обнаруживающего единичные контакты с *кочевниками-азиатами*, затем *смешанного*, состоящего из египетской администрации и азиатов, несомненно знакомых с *городской ближневосточной культурой* (прежде всего – *сиро-палестинского*, а также *месопотамского* типа), притом населения, отмеченного высокой степенью *египтизации*, от которой оно впоследствии почти полностью освобождается, и, наконец (с начала Нового царства), снова совершенно *египетского*.

Сквозь призму приведенного в книге материала из Телль эль-Даба «традиционный»

характер взаимоотношений египтян и ханаанейцев в Дельте в среднецарское время видится несколько иначе, чем прежде. К примеру, «литературные» ламентации Ипувера по поводу того, что «чужеземцы (*хасутиу*, досл.: «жители нагорий») стали искусны в работах Дельты» (IV:8) или «пришельцы извне (*рутиу*) пришли в Египет» (III:1), как и Неферти о том, что «*аму* спустились в Дельту» (33), после работы Битака кажутся еще менее справедливыми: эти чужеземцы не только сами принесли с собой много «умений» (что уже давно предполагалось¹⁵), но и, главное, «спустились» в Дельту, возможно, в интересах и при содействии египетских правителей. Имея в виду данные антропологии, можно, кажется, говорить не просто о длительном сожительстве египтян и ханаанейцев в Дельте, но и предполагать процесс метисации ее населения. Не это ли имел в виду тот же Ипувер, сокрушаясь, что «чужеземцы (*хасутиу*) стали людьми (=египтянами) повсеместно» (I:9) и нет «рожденных людьми (=египтянами) нигде» (III:2)¹⁶.

Вместе с тем необходимо отметить, что ограничение автором проблемы отношений египтян и ханаанейцев исключительно археологическим материалом Телль эль-Даба (совершенно естественное, учитывая главный предмет исследования) создаст иллюзию (отчасти невольную) абсолютной бесконфликтности их сосуществования. Это, конечно же, противоречило бы всему, что известно из египетских письменных источников. Достаточно, к примеру, вспомнить знаменитое «Поучение гераклеопольского царя», которое рисует совершенно иную картину — правда, для периода, непосредственно предшествующего XI династии, слои которой на Телль эль-Даба еще археологически не выявлены. Во всяком случае, взгляд, связывающий возникновение поселения в первую очередь с попыткой сдержать на восточных рубежах миграционный натиск¹⁷, также несомненно следует учитывать. Нужно иметь в виду, что в среднецарское время, как показал в своем классическом исследовании О.Д. Берлев¹⁸, из всех соседей Египта именно ханаанейцы ввозились в страну в широких масштабах как рабочая сила. Из всех чужеземцев только они (помимо египтян) составляли массу работников частных хозяйств, притом, в отличие от последних, подлежали купле-продаже. Судя по данным кахунских папирусов, источником (главным?) пополнения этого слоя были как раз военные конфликты с последующей продажей захваченных пленных-*аму*¹⁹. Можно также сослаться на свидетельства «черепков проклятий» времени XIII династии, которые упоминают *аму* в качестве основного врага на севере страны (хотя следует учитывать, что этому виду источников сейчас предложена новая интерпретация)²⁰. С другой стороны, существует свидетельство бенихасанской гробницы (№ 3; XII династия), сохранившей широко известное изображение группы *аму* (мужчин, женщин, детей) во главе с их старейшиной: несмотря на то что часть мужчин вооружена, намерения пришельцев несомненно мирные — это либо торговля (?), либо ремесленные работы, связанные с металлами (медью?), либо вручение даров²¹.

За последние десятилетия во многом благодаря работам Битака, а также его единомышленников и оппонентов, обрела иной характер гиксосская проблема, одна из центральных в древнеближневосточной истории. В то время, когда начинались раскопки на Телль эль-Даба, о гиксосах чаще всего вспоминали в контексте египетской политической истории, а в оценке характера и результатов их деятельности ориентировались, как правило, на Манефона (который, как показал Д. Редфорд, использовал поздний демотический текст, имевший «пропагандистский» характер²²). Его подход, правда, совпадает (а может, и восходит) с тем, что обозначен в надписи царицы Хатшепсут из Спееос Артемидос (Urk. IV. 390), у которой, однако, тоже была своя «пропагандистская» задача). «Собственная», так сказать, история гиксосов (как пред-, так и постегипетская) оставалась практически «неуловимой», хотя породила много гипотез. Но и «египетская» ее часть также оставалась во многом энигматической. К примеру, неясным продолжало быть самое главное: как именно между эпохами Среднего и Нового царств Дельта была завоевана чужеземцами, и кем они, собственно, были?

¹⁵ См., например, Hayes W.C. // CAH. II. Pt I. 1973. P. 55 ff.

¹⁶ См. Van Seters J. A Date for Admonitions // JEA. 1964. 50. P. 20 ff.

¹⁷ Kemp B. Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. L.—N.Y., 1989. P. 166.

¹⁸ Берлев О.Д. Трудовое население в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 74–95.

¹⁹ Там же. С. 75 сл.

²⁰ Rahan A. Minoan and Canaan Harbours // Aegaeum. 1991. 7. P. 328.

²¹ Newberry P.E. Beni Hasan. I. L., 1893. Pl. 31.

²² Redford D. Pharaonic King-lists, Annals and Day-books. Ontario, 1986. P. 242.

Несмотря на наличие множества версий происхождения гиксосов²³, первая попытка подойти к проблеме в *левантийском* историческом контексте эпохи МВ была сделана (Дж. Ван Сетерсом²⁴) лишь в тот год, когда Битак приступил к своим раскопкам. Результаты последних во многом способствовали тому, чтобы именно «сиро-палестинская гипотеза» в настоящее время стала наиболее широко принятой специалистами²⁵. Однозначного и окончательного ответа на вопрос о происхождении гиксосов автор в своей книге не дает, однако создает во многом новый исторический фон, на котором эта проблема должна будет впредь рассматриваться. Вместе с тем он подчеркивает два важных момента. Во-первых, несомненное знакомство насельников Телль эль-Даба с *городской* культурой ближневосточного (в том числе раннего месопотамского) типа. Во-вторых, специфическую связь их с Библом²⁶. В связи с этим

Рис. 5. Цилиндрическая печать из Библа (прорисовка; см. *Montet P. Byblos et l'Egypt. P. 1928. P. 62. Fig. 20*)

необходимо вспомнить знаменитую цилиндрическую печать, давно найденную в Библе П. Монтэ²⁷ (рис. 5): необычная иероглифическая надпись на ней (которая окончательно интерпретирована О.Д. Берлевым²⁸) связывает по времени правление последнего царя VI династии Пепи II и первое упоминание о гиксосах в Библе (=Kbn). Таким образом пребывание гиксосов в этом центре надежно зафиксировано уже концом *Старого* царства. Небезынтересно также напомнить о находке *староцарских* «черепков проклятий», которые «адресованы» фигуркам людей, обозначенных как *хека-хасут*²⁹, т.е. «гиксосы».

Результатом новых открытий экспедиции Битака является также то, что самая суть гик-

²³ Напомним, что сам Манефон говорит о них как об 'ασύμοι, что иногда толкуется как «(люди) неизвестного происхождения» (хотя для др.-егип. фразеологии, связанной с обозначением «врага», ближе другое значение греческого слова – «ничтожный» и т.п., которое удачно соответствовало бы обычному на этом месте др.-егип. ḥsi (Wb. III. 398). См. *Redford D. Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times. Princeton, 1992. P. 242. Not. 48*). Иосиф Флавий, цитируя Манефона, добавляет, что «некоторые называли их арабами» (т.е. насельниками того, что в фараоновское время составляло *Сирию и Палестину* и египтянами именовалось *Н;rw* (AEO. I. 132°, 134°, 148°–149°), притом, имея в виду свою этническую принадлежность, называет гиксосов «нашими предками» (Contra Apionem. I. 74.91). Африкан, приводя эпитому из Манефона, называет их «финикийцами» (Manetho / Ed. W.C. Waddel. L., 1940. P. 40). В нашем столетии в гиксосах видели также хеттов (J. Dunkan), индоариев (E. Meyer), вообще индоевропейцев (P. Engberg), амореев (J. Van Seters), хурритов (W. Helck, K. Kenyon) и даже микенцев (J. Dayton). Египетские источники, начиная со времени начала войны за освобождение и по раннюю XVIII династию, обозначают их в общем как ḥmw, т.е. как людей, говорящих на западносемитских языках. См. об этом: *Redford. Egypt...P. 100 ff.*

²⁴ *Van Seters. The Hyksos...*

²⁵ См., например: *Kempinsky A. Some Observations on the Hyksos (XVI) Dynasty and its Canaanite Origins / Ed. S. Israelit-Croll. Pharaonic Egypt. Jerusalem, 1985; Denver W.G. Relations between Syria-Palestine and Egypt in the «Hyksos» Period / Ed. J.N. Tubb. Palestine in the Bronze and Iron Ages. Papers in Honor of Olga Tufnell. L., 1985; Mazar A. Archaeology of the Land of the Bible 10.000–586 B.C. E. N.Y., 1990.*

²⁶ См. также *Bietak M. Problems of Middle Bronze Age Chronology: New Evidence from Egypt // AJA. 1984. 88. 4. P. 471–485.*

²⁷ *Monte P. Byblos et l'Egypt. P., 1928. P. 62. Fig. 20. Pl. XXXIX. См. также Goedicke H. A Cylinder Seal of a Ruler of Byblos of the Third Millennium // MDIAK. 1963. 19. Taf. 1.*

²⁸ *Berlev O. The Title to a Kingdom // GM. 1995. 149. P. 33 ff.*

²⁹ *Abuhakr A., Osinga J. Achtungstexte aus dem Alten Reichs // MDAIK. 1973. 29. 2. S. 97. Taf. XXXV.*

сосской проблемы сместилась в иную плоскость. Наилучшим образом ее обозначили У. Уард и У. Денвер³⁰: имеем ли мы дело с действительным *завоеванием* Восточной Дельты чужеземцами-азиатами, которые воспользовались *слабостью* последних правителей XIII династии и создали там свое собственное царство (власть которого простиралась на Северный Египет и Южную Палестину), или же с *мирным и длительным* «обустройством» их в этом районе, которое вылилось в создание *локальной* династии с центром в Аварисе, подобно тому, как это произошло с другой, египетской династией в Фивах? Первая точка зрения, так сказать, «традиционная», имеет немало сторонников³¹. Интерпретация Битаком материала из Телль эль-Даба служит подтверждением скорее второй, которую можно считать совершенно «нетрадиционной», если иметь в виду, что автор допускает не просто *беспрепятственную инфильтрацию* чужеземцев в Восточную Дельту, но *стимуляцию* этого перемещения «сильными» царями XII и XIII династий в своих интересах. Судя по всему, окончательное решение могут дать результаты будущих раскопок, однако очевидно, что теперь уже ни одно решение не может быть вынесено без учета концепции Битака.

Значение работы Битака заключается, однако, не только в предлагаемых ею решениях, но и проблемах, которые она поднимает. Прежде всего – хронологических. Материал из Телль эль-Даба имеет исключительно важное значение для хронологии как собственно древнеегипетской, так и восточносредиземноморской (ханаанской, эгейской и др.) в целом. Система древневосточного синхронизма базируется на двух ключевых датах древнеегипетской истории, которые основаны на интерпретации астрономических наблюдений в данных письменных источников. Первая – начало правления XII династии, вторая – начало XVIII, что в традиционной («паркерской», так называемой «высокой») хронологической системе соответственно приходится на 1991 и ок. 1575 гг. до н.э. Период MB в Ханаане считается примерно соответствующим Среднему царству и II Переходному периоду (=гиксосам), период LB «увязывается» с правлением XVIII и XIX египетских династий. Через те же ключевые «египетские» даты осуществляется и «привязка» ханаанской хронологии к минойской и микенской. Как известно, египетская хронология в последние десятилетия подверглась жесткому пересмотру³², который повлек за собой возникновение альтернативных систем (в том числе так называемой «низкой» шкалы Р. Краусса, где обозначенные точки соответственно дают 1937 и 1539 гг., а также целого ряда «промежуточных»). Однако если для египетской хронологии хотя бы предложены пути возможного выхода из кризиса³³, то основанный в значительной мере на ней восточносредиземноморский синхронизм переживает состояние коллапса³⁴. Материал из Телль эль-Даба способен, кажется, установить некоторые очень надежные соответствия: сошлемся, к примеру, еще раз на связь ранней XIII династии с минойским MM II B–III A через первые *стратифицированные* находки четырех фрагментов *камарес*. По своей ценности эта находка, на наш взгляд, сравнима со знаменитой «вазой с дельфинами» из Лишта, которая (едва ли не единственная прежде) надежно ассоциировала (через минойский стиль) изображения, сиро-палестинскую форму и производство³⁵ и египетское местонахождение) XIII династии с MM III и MB II A–B.

Исключительно важны результаты раскопок для проблем абсолютной хронологии периода MM III–LM I B. Как известно, для сиро-палестинского и минойского материала этого времени независимая абсолютная хронология отсутствует. Для всего района Средиземноморья первой половины II тыс. до н.э. главной «привязкой» могло бы служить извержение вулкана на Фере

³⁰ Ward W., Denver W. Studies on Scarab Seals. V. III. Scarab Typology and Archaeological Context. An Essay on Middle Bronze Age Chronology. Texas, 1994. P. 4.

³¹ См., например: Redford. Egypt... P. 103–111.

³² High, Middle or Low. Acts of an International Colloquium in Absolute Chronology Held at the University of Gotenburg 20th–22th August 1987 (ed. P. Åström). О сути проблемы см. Ward W. The Present Status of Egyptian Chronology // BASOR. 1992. 288. P. 53–66; Weinstein J. Reflections on the Chronology of Tell el-Dab'a // Egypt, the Aegean and Levant...

³³ Kitchen R. The Basics of Egyptian Chronology in Relation to Bronze Age // High, Middle or Low... P. 49–52.

³⁴ Обсуждение проблемы см. Warren P., Hankey V. Aegean Bronze Age Chronology. Bristol, 1989; Mannings S.W. The Absolute Chronology of Aegean Early Bronze Age (Archaeology, Radiocarbon, and History). 1995; Weinstein J.M. The Chronology of Palestine in the Early Second Millennium B.C.E. // BASOR. 1992. 288. P. 37–46; Chronologies in Old World Archaeology / Ed. R. Enrich. Chicago, 1992 (синхронизация с древнеегипетским материалом доведена до периода EB III).

³⁵ См. последнее исследование: Bourriau J. The Dolphin Vase from Lisht // Studies in Honor of W.K. Simpson. Boston, 1996. P. 102 ff.

(Санторине), однако с ним, как известно, связан целый комплекс проблем, в том числе и хронологических³⁶. Напомню, что последняя датировка (установленная на основании радиоуглеродного метода и дендрохронологии) относит событие примерно к 1627 г. до н.э.³⁷, что в терминах критской хронологии обозначает конец периода LM IA. Однако находка на поселении Тель эль-Даба пемзы, происходящей из извержения этого вулкана, в слое, который датируется периодом после Яхмоса и не ранее Тутмоса III (ок. 1500 г., как полагает Битак), т.е. по крайней мере на столетие *позже*, делает крайне проблематичной столь раннюю датировку. Даже если думать, как это предлагается сторонниками последней, что пемза могла где-то пролежать (более столетия!), прежде чем попасть на поселение, трудно объяснить, что ее по случайному совпадению стали применять как раз в то самое время, в которое помещает извержение «низкая» хронология, т.е. в начало XVIII династии. Таким образом, битаковская датировка слоев, где была найдена пемза, способна, кажется, поддержать более позднюю (традиционную) дату извержения. Вместе с тем, используемая им «сверхнизкая» шкала для датировки египетского материала не находит поддержки у специалистов по сиро-палестинскому региону. Остается надеяться, что результаты будущих раскопок смогут поставить дополнительные аргументы.

Пемза из Авариса вызывает в памяти другую находку, сделанную сравнительно недавно на Тель-Нами (в 15 км от Хайфы), поселении, служившем в периоды MB – LB «международным» портом. В его святилище (ок. XIII в. до н.э.)³⁸ были найдены конические «сосудики» и куски пемзы. Подобная ассоциация уже известна в минойском мире, например, из дворца в Ката Закро на Крите. Она *негде* связана с сакральными постройками и приношениями³⁹. Как полагают, этот комплекс имеет отношение к культу *критской* богини, которая, однако, судя по ее имени (Qe-ra-si-ja), родом была с *острова Фера*⁴⁰. Поскольку пемза с Тель-Нами *не обнаружили* признаков пребывания в воде, вероятно, она была *принезена* (минойскими моряками?). Можно предположить, что на Крите и в Сирии-Палестине в XIII в. до н.э. (а может быть, и ранее) существовало *культовое применение пемзы*. Вместе с сосудами и пемзой встречаются также части тиглей и кусочки бронзы: таким образом, возможно, пемза использовалась *ремесленниками*, связанными с обработкой металлов (как абразив?). Хорошо известно, что в древности деятельность, связанная с получением и обработкой металлов, часто имела сакральный оттенок, а святилища и соответствующие производства часто существовали рядом. Есть большое искушение предположить, что пемза, найденная в Аварисе, также могла иметь причастность, с одной стороны, к технической стороне деятельности населявших ее ханаанейских ремесленников-металлургов, с другой – к сфере их верований.

Наконец, последнее. Открытие «минойских» фресок на Тель эль-Даба являет собой новую страницу в изучении отношений Египта и минойского мира. Как известно, датировки, направления и характер связей египтян с теми, кого они сами именовали *кефтиу* (т.е. с жителями Крита⁴¹), образуют огромную проблему, которая имеет собственную длинную историю. Для времени LM эти контакты хорошо засвидетельствованы (со времени Тутмоса III /Аменхотепа II – в том числе и изображениями *кефтиу* в частных египетских гробницах). Однако «минойские» фрески в египетском «царском» контексте самого начала Нового царства должны свидетельствовать о контактах совершенно иного характера и уровня. Перемещение их Битаком в новоявленное время из гиксосского (в котором они становились, в том числе, и *предшественниками* кноссских) устранило много трудностей в их интерпретации, тем не менее многое еще кажется не вполне ясным. К примеру, *причины* использования минойской тематики вне минойского мира.

Вполне возможно, что гипотеза автора относительно непосредственного повода для «заимствования» фресок из минойского дворцового контекста в египетский совершенно

³⁶ Thera and the Aegean World. 3, 1–3, Proc. of the Third International Congress, Santorini, Greece, 3–9 Sept. 1989/ Ed. D.A. Hardy, 1990. См. последнюю обзорную статью по проблеме: Lohmann H. Die Santorini-Katastroph – ein archäologischer Mythos? / Stuttgarter Kolloquium zur historischen Geographie des Altertums. 6, 1996. «Naturkatastrophen in der antiken Welt». Hrgs. E. Olshausen, H. Sonnabend // GH. 1998. 10. S. 337–363.

³⁷ См. Manning S.W. The Thera Eruption: the Third Congress and the Problem of the Date // Archaeometry. 1990. 32. P. 91 ff.

³⁸ Artzy M. Conical Cups and Pumice. Aegean Cult at Tel Nami // Aegaeum. 1991. 7. P. 203 ff.

³⁹ Ibid. P. 204.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ В каких-то случаях, возможно, термин мог относиться и к жителям других районов догреческого мира, см. Vercoutter J. L'Egypte et le monde égeen prehellénique. Le Cairo, 1956. P. 257 ff.

справедлива, однако она имеет в виду конкретный случай. В настоящее время известно несколько других, кроме Телль эль-Даба, примеров использования росписей с минойскими мотивами и соответствующей техники письма в левантийских дворцовых центрах эпохи МВ, где они, судя по всему, высоко ценились. Так, в свое время (в 1935 г.) Л. Вулли открыл подобные фрески в дворце Алааха (Северная Сирия), другие, тоже сравнительно старые примеры, – росписи из дворцов в Катне (Сирия) и Мари, более свежие данные (1989 г.) – дворец в Тель-Кабри (Западная Галилея). Они требуют более универсального объяснения.

Позднейшее (LM I B – II) заимствование этих сюжетов в фресках, к примеру, *микенских* городов, где традиция самих игр отсутствовала, иногда объясняется как своеобразный «реванш», как адаптация чужого престижного символа в период, когда его изначальные носители (минойцы) уже *не представляли* собой реальной силы⁴². С этой точки зрения эксплуатация минойских мотивов в Телль эль-Даба и левантийских дворцах должна иметь, как кажется, прямо противоположный характер: как способ повышения собственного престижа путем *приобщения* к элитарному искусству *великой* державы. В период «Вторых дворцов» на Крите не только сложилось мощное государство, но и оформилось, как считают, минойское культурное койнэ⁴³, влияние которого обнаруживается за пределами не просто минойского, но и эгейского мира, «от Самофракии до Египта». Его видимым проявлением было не только возрастание импорта предметов роскоши, которые служили символами престижа, но и, так сказать, *минойзация* искусства и ремесла: последняя выражалась как в заимствовании идей, так и в копировании отдельных элементов культуры, в имитации ее специфических, в том числе «эмблематических» черт. Египет и Левант (через порты которого осуществлялась значительная часть контактов первого – как коммерческих, так и культурных – с Критом) должны были входить в наиболее отдаленную зону влияния этого культурного импульса⁴⁴, тем не менее минойские фрески выглядят его действенным проявлением. В связи с этим возникает много вопросов, связанных с *исполнителями* этих росписей: прежде всего, их этнической принадлежностью, местом обучения, а также практическим способом распространения «минойских» сюжетов по Восточному Средиземноморью.

Битак не сомневается в том, что не только фрески Телль эль-Даба абсолютно *минойские* по характеру, но и сами создавшие их художники тоже были *минойцами*. Однако высказываются и другие точки зрения. К примеру, характер росписей оценивается в общем как «гибридный», притом особенности композиции, стиля, цветовой схемы служат подтверждением, напротив, скорее «неминойского» происхождения мастеров (если только не подвергшихся сильной египтизации)⁴⁵. Мастера, однако, единодушно признаются несомненными профессионалами, прекрасно знакомыми с репертуаром, стилем и техникой фресковой (для египтян, заметим, нетрадиционной) живописи. Многими высказывается уверенность в том, что художники прошли обучение в Кноссе. Так или иначе, но остается открытым традиционный для подобных ситуаций вопрос: каким способом в данном случае художественные образы и связанная с ними техника попали в Египет – перенесением идей или же перемещением самих художников? Известно, например, что царь Угарита посылал одного из своих людей в Мари, к царю Зимри-Лиму, в его знаменитый дворец, как полагают для того, чтобы тот лично ознакомился с росписями на его стенах⁴⁶. С другой стороны, можно вспомнить сюжет из угаритской мифологии, о том, как богиня Анаит отсылает своего посланца за море, *на Крит*, чтобы он привез с собой бога ремесла (который там царствует): приехав, тот строит дворец богу Баалу и наполняет его всякими изделиями искусств⁴⁷.

Почти тридцатилетние раскопки на Телль эль-Даба предоставили в распоряжение исторической науки колоссальный объем новой информации. Ее исключительная ценность заключается в двух главных аспектах. Во-первых, в уникальной возможности восстановить диахроническую картину развития одного из важнейших центров в Дельте, который ощущал на себе влияние двух соприкасающихся (и даже взаимопроникающих) культурных миров

⁴² Betts J. New Light on Minoan Bureaucracy: a Re-examination of some Cretan Sealings // Kadmos. 1967. VI. P. 22, 26 f.; Marinatos N. The «Export» Significans of Minoan Bull Hunting and Bull Leaping Scenes // ÄL. 1994. 4. P. 93.

⁴³ См. Melas M. Acculturation and Social Mobility in the Minoan World // Aegaeum. 1991. 7. P. 170 f.

⁴⁴ Idem. Minoan Overseas: Alternative Model of Interpretation // Aegaeum. 1988. 7. P. 47–70.

⁴⁵ Shaw M. Bull Leaping Frescoes at Knossos and their Influence on the Tell el-Dab'a Murals // Trade, Power and Exchange... P. 110 ff.

⁴⁶ Niemeier W.D. Minoan Artisans Travelling Overseas // Aegaeum. 1991. 7. P. 195–200.

⁴⁷ ANET. 132–138; Niemeier. Op. cit.

(египетского и сиро-палестинского). Во-вторых, в уникальной возможности создать синхронистическую картину исторического развития основных регионов средиземноморского мира (по крайней мере, в течение первой половины II тыс.). Основная задача, настоятельная необходимость решения которой ощущается после знакомства с первоклассной работой М. Битака, — «увязывание» нового материала со всем, что было известно о соответствующих проблемах прежде.

Хотелось бы надеяться, что последующие раскопки в Телль эль-Даба принесут новые сенсации.

В.А. Головина

© 1999 г.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКО-ИНДИЙСКИЕ КОНТАКТЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(*Crossings. Early Mediterranean Contacts with India* / Ed. F. de Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1997. 283 p.)

Изучение контактов греко-римского мира с Индией в последнее время значительно продвинулось. Интенсивное исследование письменных источников, поступление новых археологических данных и возвращение к уже накопленным делают возможным и необходимым как переосмысление уже утвердившихся схем и концепций, так и построение новых. Это нашло отражение и на страницах ВДИ¹. Исследователи из Индии, Италии, Франции и ряда других стран активно работают в этой области, и количество публикаций с каждым годом растет. Часто они выходят в малодоступных изданиях или на языках, знакомых ограниченному кругу читателей. Рецензируемый сборник «Перекрестки. Ранние средиземноморские контакты с Индией», имея в виду это обстоятельство, был сориентирован на читателя, знакомого лишь с английским языком. В нем представлен перевод с французского и итальянского языков работ, изданных в 80-е — начале 90-х годов, частично переработанных для нового издания, с тем, чтобы расширить круг потенциальных читателей и вовлечь их в изучение истории взаимоотношений двух великих цивилизаций древности. Значение настоящего сборника заключается в том, что практически в каждой из его статей предпринята попытка переосмыслить данные нумизматики и таких письменных источников, как «Перипл Эритрейского моря» и «Естественной истории» Плиния Старшего. Анализ данных этих источников позволяет охватить практически весь спектр проблем по взаимоотношениям Рима с Индией в первые века нашей эры. Мнения авторов рецензируемого тома по основным поднимаемым вопросам совпадают, хотя они и исходят из разных точек зрения, т.е. перед нами своего рода коллективная монография, которая в то же время отражает современное состояние историографии проблемы в целом.

Статья признанного авторитета в различных сферах индологии Р. Тхапар «Ранние средиземноморские контакты с Индией: обзор» (с. 11–40) служит своего рода введением как к самой публикации, так и в историографию проблемы. В статье подводятся итоги последних лет по изучению данного вопроса и показаны наиболее важные узловые моменты, на которых в настоящее время сосредоточен основной интерес исследователей. Автор справедливо отмечает, что изучение контактов Индии с античным миром стало полидисциплинарным направлением. Значительно возросла необходимость более тщательного изучения источников на пали, пракритах, тамили, не говоря уже о санскрите, причем каждый отдельный аспект требует учета всего спектра источников (с. 13–17). Датировки «Перипла» — основного письменного источника по данной теме, надписей, кладов римских монет, найденных в Индии и на Шри Ланке, все еще являются предметом острых дискуссий, так как значительная часть находок носит случайный

¹ См. Салль Ж.-Ф. Еще раз о «горшках» и «народах»: Персидский залив в конце I тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 115–124; Бухарин М.Д. Рец. на: Athens, Aden, Arikamedu. Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean / Ed. M.-F. Boussac, J.-F. Salles. New Delhi, 1995; Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean / Ed. H.P. Ray, J.-F. Salles. New Delhi, 1996 // ВДИ. 1998. № 3. С. 222–228..